

Юрий НИКУЛИН

Без чтения жизнь потеряла бы краски

Пишет вам один из читателей таланта Юрия Никулина. С упоением и неослабным интересом прочел его книгу «Почти серьезно...». Передайте через газету нашу читательскую благодарность автору.

В. ШИЛОВ.

АЛУШТА.

Это письмо не единственное. Отзываясь с большой теплотой о книге народного артиста СССР Юрия Никулина, читатели выражают желание встретиться с автором на страницах газеты.

Когда день встречи был определен, одолевало искушение расспросить артиста про все сразу: про его редкую профессию (ведь клоунов во всем мире не так-то много), про его работу в кино (наверное, нет больше циркового комика, даже среди самых талантливых, которые участвовали бы, и с таким успехом, в драматических, глубоко психологичных фильмах), поговорить о его книге и товарищах по искусству, дружбой с которыми одарила его беспокойная актерская судьба.

Но была тема, вызывающая у меня интерес особый. В своей книге Ю. Никулин пишет, что любит читать, и на протяжении всего повествования не раз упоминает о любимых произведениях. О книгах, об их роли в судьбе артиста и хотелось побеседовать прежде всего.

— Сегодня утром я думал о вашем вопросе и, знаете, так вот прикинул, вспомнил пережитое и как-то даже сам поразился, какой все-таки огромный след оставили книги в моей жизни, — так начал рассказ Ю. Никулин. — Без чтения жизнь для меня потеряла бы многие краски, наступил бы, наверное, духовный голод. Мой характер, мировоззрение мое в значительной степени сформировали книги. Некоторые произведения потрясли меня настолько, что остались в моей душе навсегда. Моя любовь к цирку началась с книг. Помню даже самые первые из них — «Мои звери» В. Дурова и «Каштанка» Чехова. Как я плакал, когда «Каштанка» потерялась! Как хотел, чтобы она осталась жить у клоуна!

Юрий Владимирович улыбается своей мягкой улыбкой, а в глазах и в голосе сострадание тому малышу из далекого детства и полное понимание его безутешного горя.

— Одна из любимых книг моей юности — «На арене старого цирка» — мне до сих пор особенно дорога, — продолжает Ю. Никулин. — Написал ее известный клоун Дмитрий Сергеевич Альперов. Она поразила меня обилием сведений о цирковом искусстве. Я ведь тогда мало знал жизнь цирка, особенно ту его сторону, которую не увидишь из зрительного зала. После этого стал по-иному смотреть на людей цирка, как-то по-особому полюбил его.

Дмитрия Сергеевича я еще застал на манеже, а позже, после войны, он приходил к нам в цирковую студию. Очень интересно было слушать его рассказы о старых клоунах, классических антре, провинциальных балаганах...

Рассказывая о книгах, выстраивавших его судьбу, Юрий Никулин с благодарностью вспоминает людей, которые развивали, направляли его любовь к чтению. И первый среди них — отец. Чуткий воспитатель, Владимир Андреевич, заметив, каким праздником было для сына посещение цирка, театра, приносил ему книги, которые углубляли этот интерес к искусству, ставил с ребятами спектакли по любимым произведениям. Учителем литературы Евгения Сазонтова читала шестиклассникам на уроках такие увлекательные повести — конечно же, о подвигах, о героях, о доблести, — что весь класс замирал, боясь пропустить хоть слово. Мама будущего артиста, собирая сына в армию, кладет в рюкзак и его любимые книги...

Позже это становится правилом — куда бы ни ехал, всегда брать с собой сочинения любимых авторов.

— Много лет собираю книги по искусству. О цирке читаю все, что выходит. И конечно, к этой литературе отношусь с пристрастием. Вот недавно прочел в десятом номере «Москвы» статью Н. Румянцевой. Хорошо написано. Видно, что автор знает и любит цирк. И потому люди в очерке живые, и на проблемы цирка у автора свой, не стереотипный взгляд. К сожалению, таких работ немного. Чаще пишут поверхностно, неинтересно.

— А почему, на ваш взгляд, это происходит?

— Манеж не так прост, надо знать его особенности — в трюке, длящемся несколько секунд, спрессованы годы труда. Надо понимать людей цирка, обязательно любить его. Тогда можно написать интересно. И не надо для занимательности ничего приукрасивать и рассказывать нелепые анекдоты о цирке.

— Помню, меня заинтересовала повесть Виктора Драгунского «Сегодня и ежесекундно»...

— Видите, какие у нас вкусы разные! А мне она

не понравилась. Может быть, потому, что я слишком многого ожидал от книги про цирк и про клоуна. Но вообще я знаю, что эта повесть многим нравится, и Центральное телевидение экранизировало ее не так давно. Вы видели этот фильм? «Я — клоун» называется. Так вот что получилось. В книге время действия — пятидесятые годы, а телевидение решило оосовременить повествование и механически перенесло все события в наши дни. И сразу явное несоответствие: проблемы, стиль жизни, отношения героев несут печать пятидесятых годов, а цирк показан нынешний. Видимо, авторы не учли, что люди цирка, его проблемы меняются.

— Юрий Владимирович, а какую задачу вы ставили перед собой, когда писали свою книгу?

— Я хотел написать о людях цирка. Рассказать, как артисты работают, как создаются номера, как трудно рождается та или иная реприза. Передачу самую атмосферу цирка. Мне хотелось, чтобы поняли душу артиста.

Старался писать, ничего не приукрашивая. Рассказывать так, как я понимаю, ощущаю цирк. Хотелось, чтобы читатели улыбались, поэтому серьезное повествование перемежал шутками, веселыми историями.

Очень волновался, получилось ли. На манеже прочесть — реакцию зрителей видишь сразу. А тут... Правда, письма читателей несколько успокоили. Я до сих пор их получаю и благодарен всем за поддержку. Считаю, если книга все-таки получилась, этим я обязан тому, что писал искренне, ничего не придумывая.

Искренность и естественность вообще свойственны Юрию Никулину. Это чувствуется и в общении. Ни позы, ни красивой фразы он себе не позволяет.

— А как родилась идея оформить книгу своими рисунками?

— Первоначально было задумано иллюстрировать ее фотографиями, как обычно. Но по мере подготовки рукописи я чувствовал, что эта обычная иллюстрация как-то не сочетается с характером повествования. Выход нашел мой друг Леонид Куко. Мы вместе работали у Карандаша и до сих пор дружим. Из каждого города, где я работаю, я пишу ему письма и, чтобы было интереснее, сопровождаю их смешными рисунками. Эта привычка у меня с детства. Так вот, когда зашел разговор о книге, он и говорит: ты должен оформить ее такими же рисунками. Я сделал несколько набросков и предложил их издательству. Там понравилось, так и пошло — нарисовал для книги около ста иллюстраций.

— В своей книге вы рассказываете о разных клоунских манерах, размышляете о природе смеха и в теоретическом плане, и применительно к своей работе, к вашей клоунской паре Миши и Юрика. Вы пишете, что вам безразлично, над чем смеются. В одной из рецензий на вашу программу автор замечает, что не быть буффонным клоуном и в то же время вызывать столько смеха, значит, предложить многое взамен привычных клоунских гипербола. Как складывался ваш взгляд на природу комического в цирке? Сыграла ли здесь какую-то роль литература художественная, специальная?

— Безусловно, да, хотя в целом ответ на этот вопрос очень непрост. Здесь многое трудно поддается анализу. Нет каких-то раз и навсегда установившихся канонов — это смешно, а это не смешно. Все очень индивидуально, все идет от личности артиста.

У каждого человека свой характер, способности, темперамент, от этого и надо идти к созданию своего образа. Как? Наверное, этого никто не скажет, у каждого свой путь. Если вспомнить больших клоунов, того же Альперова, Коко, Демаша и Мозеля, Карандаша, то все они запомнились тем, что не были похожи друг на друга. Мы искали свой образ на ощупь, постепенно. Столько было перепробовано, переработано, передумано. Здесь и книги, и наблюдения за работой других клоунов, и советы товарищей. Все «примерляли» на себя: и костюмы, и манеры игры на манеже, и трюки. То, что нам не шло, не было органично, отбрасывали. Постепенно вырисовывались характеры наших Миши и Юрика. Нельзя дать рецептов, как стать смешным клоуном, описать все секреты. Но, думаю, надо очень любить свою профессию и не замыкаться в рамках цирка, а искать смешное в жизни, фильмах, рисунках и, конечно же, в книгах.

В литературе ищешь подтверждение догадке, мелькнувшей на манеже. А то, что показалось важным, стоящим в книге, проверешь на практике.

За последние годы цирк очень изменился. Потому что изменилась жизнь, изменился зритель. Выросли его культура, его требования к искусству, в том числе и к цирковому. Не так давно перед

представлением в цирке на Цветном бульваре провели опрос зрителей, и оказалось, что среди нынешней публики большинство — люди с высоким образованием, в возрасте от 20 до 45 лет, а любимый жанр — клоунада.

Если цирк не будет отвечать возросшим запросам зрителей, он перестанет быть им нужным, современным. Публике неинтересен артист, который уступает ей по своему кругозору, по восприимчивости времени, по осмыслению каких-то сложных процессов жизни.

Рано ушедший из жизни талантливый клоун Леонид Енгибаров со своими философскими репризами, тонким и чуть грустным юмором мог появиться только в шестидесятые годы, не раньше. И публика его отлично понимала.

— Об интеллекте сейчас говорят как о ведущем качестве артиста...

— Да, без духовного багажа, без серьезной работы над книгой, без интереса к общественным процессам вряд ли можно представить современного артиста.

— Юрий Владимирович, как рождаются новые репризы? Я знаю, что чаще всего вы сочиняете их сами.

— Каждый раз по-разному. И всегда очень трудно. За тридцать лет работы у нас с партнером Михаилом Шуйдиным едва ли наберется шутки сорок стоящих реприз. Клоунада рождается очень долго, иногда проходит несколько лет, прежде чем она заиграет по-настоящему. Постепенно идет шлифовка, реприза все время дорабатывается при непосредственном контакте артиста со зрителем. Наша клоунада «Киносьемка» за пять лет, что мы ее делаем, стала неузнаваемой: обросла деталями, трюками, более выразительными репликами.

Когда думаешь над новой репризой, естественно, обращаешься и к произведениям писателей-юмористов. У меня в библиотеке собрано почти все — от древних авторов до Аверченко и Зощенко и современных сатириков. Конечно, между юмором литературным и юмором на манеже — пропасть. Нельзя какую-то смешную ситуацию из книги просто перенести в цирк. Но юмористический рассказ, сценка настраивают на определенную волну, помогают думать.

— А ваш опыт работы в кино тоже, видимо, как-то пригодился на манеже?

— Помню, как-то в цирке слышу: «Митя, Митя, это же Никулин из кино, как он в цирк-то попал?» Это шутка. А если серьезно, то, думаю, кино приучило меня к точности и правде. Балбес из нашей гайдаевской тройки — Трус, Балбес и Бывалый — в чем-то был сродни моему Юрику, и для Балбеса я брал что-то из моего циркового опыта, а на манеж принес какие-то черточки киношного образа... Вообще я стал как-то смелее работать.

Кино позволило мне познакомиться со многими людьми — писателями, артистами, режиссерами. Не могу забыть свои встречи с Шолоховым, Шукшиным, с Константином Симоновым, с которыми мы подружились на съемках «Двадцать дней без войны». Интересной была работа с такими режиссерами, как Бондарчук, Гайдай, Кулиджанов. У каждого я брал что-то, каждый обогащал меня и как человека, и как артиста.

— Какие из прочитанных за последнее время книг произвели на вас наибольшее впечатление?

— «Кролик, беги!» Алдаяка и, пожалуй, Вейса «Возвышенное и земное» — о Моцарте и «Муки радости» И. Стоуна — о Микеланджело.

Большое впечатление произвел на меня роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Понравилась записка Людмилы Гурченко.

А вообще люблю все — и классику, и современную литературу. Серьезные книги и, конечно, юмор. У нас вся семья любит читать. Свою библиотеку собираем вот уже тридцать лет. Читаем обычно все вместе и обязательно обсуждаем прочитанное. Причем если кто-то еще не прочел, протестует: «Не надо, не рассказывайте!» Подождите, пока я прочитаю, тогда будем вместе обсуждать!

И есть у нас семейное увлечение — фантастика. Фантасты заставляют задуматься над многими земными проблемами, увидеть их совершенно по-иному.

А вот из совсем недавних впечатлений... Купил я племяннице на день рождения «Графа Монте-Кристо» Дюма. Открыл — захотелось окунуться в детство — и так и не закрыл, пока не перечитал. Оказывается, романтический отвага героев Дюма, их стремление к справедливости привлекательны не только в детстве. А может быть, это в нас, взрослых, что-то все-таки остается от детства? Вслед за мной ее перечитали и жена, и сын, и все получили удовольствие.

Беседу вела
Н. ЛОШКАРЕВА.